

преподавательского состава, научных работников, докторантов и аспирантов БНТУ). В 4-х томах. – Минск: БНТУ, 2017. Т.4. С. 3-4.

7. Лойко, А.И. Формирование личности и интенция социально-культурной деятельности / А.И. Лойко // Педагогический потенциал современных технологий социально-культурной деятельности: материалы Всероссийской электронной научно-практической конференции. – Казань: Издательство «Бриг», 2017. С. 326-331.

8. Лойко, А.И. Социально-культурная деятельность гуманитарной кафедры в техническом университете: на примере кафедры философских учений / А.И. Лойко // Разнообразие форм культурного самовыражения: опыт формирования благоприятной среды для охраны и поощрения. Сборник научных статей. – Минск: БГУКИ, 2017. С. 138

***Мушинский Н.И.* Изучение истории белорусской государственности как проблема справедливости**

Рассматривая процессы развития белорусской государственности в исторической перспективе, можно выявить некоторые объективные закономерности. Следование им в конкретных исторических условиях выступает как важный критерий справедливости идей и поступков тех или иных персоналий, социальных групп, государственных структур. Общие тенденции становления и развития белорусского социума соответствуют универсальным принципам мировой истории, характерным и для остальных государств и народов. Отсутствие понимания этих закономерностей, попытки противостоять им в тот или иной исторический период, задерживают общественный прогресс, становятся источником разных форм социальной несправедливости.

Общепринятая точка зрения, сложившаяся в философии истории на протяжении последних столетий (с началом промышленного переворота,

когда постепенно ушли в прошлое религиозные трактовки, связывавшие исторический процесс с эсхатологией божественного предопределения), опирается на развитие науки и техники как важные детерминирующие факторы, на всю совокупность производительных сил общества. Орудия труда постоянно совершенствуются в ходе человеческой истории. Соответственно, увеличивается уровень адаптации человеческого сообщества к негативному воздействию окружающей природной среды, повышается общая численность народонаселения, расширяется ареал обитания соответствующей популяции, возникают всё более обширные государственные образования. Периодически происходят качественные скачки: «неолитическая революция» при переходе к земледелию и скотоводству; промышленный переворот Нового времени; современный «взрыв коммуникаций» на основе всеобщей компьютеризации. Каждый новый этап развития производительных сил характеризуется ростом количественных пространственных показателей, возникновением всё более «обширных» и «протяжённых» человеческих объединений, в том числе государственных.

Данные антропологии, сравнительной этнографии, археологии и письменных исторических источников создают вполне достоверную общую картину становления и развития социальных групп в разные исторические периоды. Для первобытного строя характерны сравнительно немногочисленные родовые общины (порядка нескольких десятков особей, по количеству вполне сопоставимые с аналогичными сообществами в животном мире, к примеру, – стаями высших приматов, человекообразных обезьян). Перемещаясь по обширным территориям вслед за стадами копытных, они занимались охотой и собирательством.

При подобном низкопроизводительном «присваивающем» способе хозяйственной деятельности для того, чтобы прокормить даже настолько незначительные подразделения социума, необходимы достаточно протя-

жённые пространства: «Поскольку первобытный человек мог обеспечить свое существование, лишь занимаясь охотой и собирательством, ... он... был вынужден жить в небольших группах и кочевать по достаточно обширным территориям» [1, с. 306]. Поэтому при случайной встрече с представителями других родов зачастую возникают вооружённые конфликты, «первобытные войны» (как и в животном мире, где хищники ревностно охраняют «свою» территорию от других особей собственной популяции). Такого рода отношения отражались в социокультурных традициях у некоторых этносов ещё сравнительно недавно; достаточно вспомнить полинезийских «охотников за головами»; «охоту за скальпами» американских индейцев Великих равнин; убийство врага, как и добыча опасного зверя, в первобытном обществе всегда считалось важным элементом инициации молодого поколения.

Более того, подобные конфликты (когда женщины враждебного общества становятся законной добычей победителей) являются необходимыми с точки зрения перекрёстного обновления генофонда, чтобы избежать инцестуальных связей в границах узкой группы и последующего вырождения. Архаическая мифология полна подобных нарративов: у Рамы злые ракшасы похищают жену Ситу (древнеиндийский эпос «Рамаяны»); римляне похищают сабинянок; по этому же поводу у древних греков кентавры сражаются с лапифами; у Геракла кентавр Несс похищает Деяниру; собственно, «Илиада» Гомера тоже имеет сюжетной завязкой похищение троянцами жены спартанского царя Менелая.

Постепенное увеличение численности народонаселения (по мере совершенствования орудий труда от палеолита к мезолиту и неолиту) приводит к тому, что взаимодействие родовых сообществ становится всё более интенсивным; привычка к облику «чужого» делает возможным мирное общение, натуральный обмен, совместные ритуалы, культовые обряды,

празднества. Тем самым складывается более обширная племенная общность (на территории Беларуси это кривичи, радимичи, дреговичи, жившие ещё в конце первого тысячелетия новой эры). В этих процессах уже можно выявить истоки белорусского этнокультурного становления, «выделение... предков белорусов произошло в очень давнее время... Племена радимичей, дреговичей и кривичей положили начало белорусской национальности» [2, с. 21 – 22].

Вообще, заселение здесь происходит достаточно поздно по историческим меркам, поскольку данная местность дольше других была покрыта ледником (граница вюрмского оледенения, конец плейстоцена). Эту закономерность относительно европейского континента отмечает современная палеонтология: «Большие площади земного шара были впервые заселены... благодаря освобождению новых территорий из плена плейстоценовых ледниковых щитов, особенно в Северной Европе» [1, с. 305]. Хотя для более южных европейских областей начало «мустьерской» эпохи (человеческий тип – «неандерталец») относится к 150 тыс. лет назад, а примерно 50 тыс. лет – она уже завершается (на смену приходит «кроманьонец» – ориньяк, солютрей, мадлен – стадии верхнего палеолита).

На территории Беларуси всё происходит намного позднее; самые ранние обнаруженные археологами «мустьерские» стоянки по рекам Днепр, Сож, Припять (Бердыж, Юровичи, Абидовичи, Подлужье) появились примерно 25 тыс. лет назад: «Два древнейших археологических памятника Белоруссии – Бердыжская и Юровичская стоянки датируются верхним палеолитом, что подтверждается радиоуглеродными данными (С14) – 23430 ± 180 (ЛУ-104) лет для Бердыжа и 26470 ± 420 (ЛУ-125) лет для Юровичей» [3, с. 3]. Открытия такого рода были сделаны во второй половине XX века. Впервые «неандертальца» и «кроманьонца» обнаружили западноевропейские исследователи в середине XIX века. «В послевоен-

ное время появились сообщения о... находках мустьерских изделий на территории Белоруссии. Прежде всего это раскопки...в Бердыже... , находки ... у д. Абидовичи на Днепре» [3, с. 16].

Для Беларуси открытия археологов особенно важны, поскольку значительно отодвигают хронологические рамки заселения её современной территории: «Наиболее древними памятниками являются Бердыжская и Юровичская верхнепалеолитические стоянки, представляющие верхнеплейстоценовый этап заселения... и являющиеся достоверным свидетельством обитания первобытного человека в палеолитическую эпоху» [3, с. 125]. Первое появление здесь древних людей, как и на остальном европейском континенте, тоже связано с климатическим потеплением и отступлением ледников: «По вопросу геологического возраста... Бердыж относился к рисс-вюрмскому межледниковью» [3, с. 18]; соответственно, поскольку среди других регионов Беларусь находится севернее, её заселение произошло позже по времени.

Если исследовать количественный фактор, то можно отметить, что в нашей стране «мустьерские» стоянки исчисляются единицами, в то время как более поздние «неолитические» – уже несколькими сотнями, в пределах тысячи. Очевидно, что количество археологических находок отражает общий рост численности популяции и плотности заселения (как следствие дальнейшего совершенствования технологий создания более сложных и совершенных каменных орудий труда – появления кремнёвых микролитов, изобретения лука со стрелами как средства охоты).

Формирование крупных восточнославянских племенных объединений – кривичей, радимичей, дреговичей – отражает общую социокультурную преемственность, поскольку «белорусское племя искони занимало ту самую территорию, на которой оно живёт и поныне. Никакие иные народы никогда не занимали этой территории. Таким образом, белорусское племя

сохранило наибольшую чистоту славянского типа. Вот почему даже внешний облик типичного белоруса совпадает с теми описаниями внешнего вида славян, с которым мы встречаемся еще у древних писателей» [2, с. 25 – 26]. При этом проблема «кривичей» остаётся во многом открытой: дело в том, что они, в отличие от «дреговичей», плохо соотносятся с новейшими этнонимами. Название «дреговичей» с очевидностью получает непосредственный эквивалент в современном белорусском языке «дрыгва» переводится как «болото», это был наиболее распространённый природный ландшафт Беларуси.

Тем самым, «дреговичи» – это, дословно, жители болотистой местности, «люди на болоте». В то же время, слово «кривичи» не вполне понятно в славянском лингвистическом контексте, однако имеет эквивалент в литовском, и даже финском языках (вообще, по-литовски – это широко распространённый оборот, например, верховный языческий жрец назывался Криве-Кривейте). Более того, в литовском языке часто используются однокоренные слова, тоже связанные с понятием «болотистой местности». На этом основании некоторые исследователи считают славянство «пришлым элементом», исторически ассимилировавшим коренное население «балтской» и финской группы.

Между тем установлено, что в ходе истории «кривичи» никогда сами себя так не называли, а древние летописи распространяли их влияние далеко на север, на территорию Новгородской и Псковской областей, т.е. местность проживания современных великорусских народностей. Из этого делается справедливый вывод, что «кривичи» – это скорее всего перевод на литовский язык того же самого слова «дреговичи» (с которыми этнические литовцы столкнулись исторически значительно позже, по мере своего расселения на исконные славянские земли при переходе к земледелию и с началом формирования первых литовских княжеств). В дальнейшем они,

предположительно, экстраполировали этот этноним на все восточнославянские племена. С другой стороны, есть сведения, что кривичи практиковали сожжение умерших, в то время как дреговичи хоронили их в земле... Вопрос остаётся дискуссионным.

Дальнейший технический прогресс (орудий труда и производственных технологий) приводит к новым изменениям социальной структуры. На рубеже первого тысячелетия, при первоначальном переходе к земледелию собственно восточных славян, на белорусских территориях появляются первые государственные образования, древнейшие княжества – Полоцкое, Турово-Пинское. Впрочем, вряд ли целесообразно уподоблять их современным государствам с их развитой инфраструктурой. Это торговые фактории по берегам тех же речных систем (Днепр, Сож, Западная Двина, Припять) на пути из варяг в греки, описанном древними хронистами. Константинополь (Восточная Римская империя, Византия) – как наследие двухтысячелетней земледельческой античной цивилизации, с её накопленными материальными богатствами и культурными традициями – являлся в то время центром притяжения для новых зарождающихся «варварских» этносов, как скандинавских, так и восточнославянских.

В удобных местах по берегам рек возникают поселения ремесленников, обслуживающих плывущие по реке торговые караваны; там же обитают князья со своими дружинами, взымающие с них феодальные подати. При этом важную роль играет личностный фактор; княжества представляют собой владения наиболее удачливых военных предводителей и их потомков – Рогволодовичей, Рюриковичей, Изяславичей. Далеко не всем из них удаётся удержать свою власть: Аскольд и Дир в Киеве, Рогволод в Полоцке; между князьями постоянно идёт вооружённая борьба за первенство, часто даже среди близких родственников Ярополк, Олег и Владимир; Святополк, Борис, Глеб и Ярослав Мудрый. Эти же процессы имеют место и у

других народов в аналогичных исторических обстоятельствах – «Песнь о Нибелунгах», франкские хроники «длинноволосых» Меровингов, отношения Ромула и Рема в эпоху древнеримской архаики.

Вся остальная территория по-прежнему заселена немногочисленными племенами охотников и собирателей на стадии разложения первобытнообщинного строя. Их взаимодействие с нарождающейся княжеской государственной властью наглядно характеризует конфликт Рюриковичей (Игорь и Ольга) с древлянами. Постепенно эти племена тоже переходят к земледелию, у них возникают собственные города как центры племенных языческих культов и княжеские резиденции.

На смену кочующей «родовой общине» приходит оседлая аграрная «соседская община», проявляется демографический подъём (земледелие снимает угрозу голода, ограничивающую численность первобытных охотников и собирателей). Княжеская власть осваивает практику «полюдь», когда «конунг» и его дружина в течение года переезжают от одного земледельческого поселения к другому, используя их продовольственные запасы (переходная форма «узаконенного грабежа» и системного сбора налогов). Эти же земледельческие запасы привлекают кочевников-скотоводов степной полосы; свои набеги начинают половцы, печенеги, позднее – татаро-монголы. Дать им эффективный отпор может только централизованная военно-политическая государственная система, объединяющая материальные ресурсы всё более обширных территорий. Удельный суверенитет и сепаратизм восточнославянских княжеств не позволял эффективно решить эту задачу, что наглядно показало нашествие Батыя.

Проблема, в том числе, состояла в отсутствии общеполитической (как и в целом – общерусской) идентичности; не смотря на общность языка и культуры, жители разных княжеств не ощущали внутреннего единства, вели между собой ожесточённые войны (к примеру, битва на Немиге с ки-

евлянами), легко заключали союзы со степными кочевниками в ущерб собственным сородичам. Принятие православия на ранней стадии только формально смягчило ситуацию, по духу древнерусские князья оставались язычниками, охотно причинявшими вред и всяческую несправедливость своим единоверцам ради материальной выгоды.

Татаро-монгольское иго со всей очевидностью поставило вопрос о необходимости создания более крупных военно-политических государственных объединений, защищающих население обширных земледельческих территорий. В этом тоже можно выявить материально-техническую социокультурную детерминацию: среди такого рода факторов – рост численности и плотности народонаселения, его уровня жизни при окончательном переходе к земледелию; увеличение мобильности степных кочевников по мере распространения скотоводства. Последнее позволяло степным народам объединяться под властью наиболее предприимчивых вождей (Чингисхан, Тамерлан) и перебрасывать крупные воинские отряды на огромные расстояния от Китая (династия Юань), Японии (попытка высадки Хубилай-хана) и северной Индии (эпоха Великих Моголов) до Киевской Руси и границ Западной Европы (битва при Легнице).

Таким образом, дальнейшее укрупнение государственной структуры на землях Беларуси тоже предстаёт как объективный исторический процесс в полном соответствии с критериями справедливости. На востоке «собирателем Руси» выступило Великое Московское княжество; в борьбе с Тверью, Новгородской республикой, осколками Золотой орды – Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами, оно постепенно преобразовалось в «Московское царство». На западе, на белорусских территориях, славянские удельные княжества объединились под властью литовских князей (на тот момент – наиболее «молодых» и «пассионарных», недавних «дикарей» – язычников, непосредственно переживавших социокультурный

и демографический подъём при переходе к земледелию; похожим образом македонские «цари»-басилевсы на рубеже эпохи эллинизма объединили древних греков; есть и другие исторические примеры).

Белорусы обрели новую геополитическую самоидентификацию; на протяжении последующих столетий т.н. «литвины» (Т. Костюшко, А. Мицкевич, К. Калиновский) – это, разумеется, не этнические литовцы, а всего лишь граждане соответствующего государства: «Вось чаму Грынявіцкі, як і Каліноўскі, будучы беларусам і працуючы для Беларусі, цалком ня знаючы літоўскай мовы, зваў сябе літвінам» [4, с. 168]. Точно так же, как самоназвание «ромей» – это не римляне по рождению, а именно «граждане Восточной Римской империи», православные греки по языку и культуре, византийцы.

В условиях угрозы тевтонского завоевания последовала уния с королевством Польским. Сложившаяся в Речи Посполитой мелкофеодалная шляхетская демократия на грани анархии, с господством магнатов и сейма над «элекционной монархией» – выборной королевской властью, с правом «liberum veto», с конституцией 1791 г. не позволяла стране оперативно реагировать на происходящие в мире изменения. Любые попытки польских королей, являвшихся одновременно «великими литовскими князьями» на белорусских землях расширить свои полномочия с целью модернизации армии встречали активное противодействие феодальных магнатов и шляхты, вплоть до вполне узаконенных вооружённых выступлений. Так «рокош» Зебжидовского положил предел притязаниям Сигизмунда III, «рокош» Любомирского – Яна Казимира (вплоть до отречения того от власти), Барская «конфедерация» – Станислава Понятовского накануне окончательного крушения государственности.

В результате, соответственно объективной логике исторического процесса, произошло дальнейшее укрупнение государственной структуры,

сопровождавшееся разделами Речи Посполитой, территории которой вошли в состав трёх более обширных и технически развитых сопредельных монархий. Для Польши – это, несомненно, был упадок, поскольку германоязычные Австрия и особенно Пруссия (с её протестантским вероисповеданием), несомненно, были чужды западнославянскому католическому коренному польскому населению. Для белорусов же – это, скорее, прогресс, потому что они воссоединились с огромной и протяжённой (от Петербурга до Владивостока) восточнославянской империей, близкой по языку и религии православия.

Не смотря на некоторую промышленную отсталость Западного края, белорусы вошли в семью восточнославянских народов на равных, соответственно принятым в тех условиях критериям справедливости. Они получили возможность обучаться в российских университетах, многие подтвердили свои дворянские права состояния, приняли активное участие в строительстве единого государства, освоении удалённых территорий, развитии промышленности и сельского хозяйства на научной основе (особенно после отмены крепостнической системы).

Именно поэтому их не особенно привлекали проекты возврата под власть польских королей к чему, в частности, призывала «Мужицкая правда» К. Калиновского, восстановления Речи Посполитой в прежних границах с её архаичной мелкофеодальной структурой государственности. Как известно, восстания 1830-х и 1860-х гг. не нашли широкой поддержки на белорусских землях (разве что среди полонизированной шляхты, «элиты» прошлых времён, стремившейся к возврату своего привилегированного положения, «шляхетских вольностей», не вполне справедливых в глазах крестьян-белорусов).

Следующий этап объективных процессов укрупнения государственной структуры (как следствия дальнейшего развития технических

средств коммуникации) – советский, особенно после второй мировой войны. В период «холодной войны» именно Россия (и близкая к ней по языку, культуре и «восточнославянской» ментальности Белоруссия в составе СССР) явилась достойной альтернативой как «англо-саксонскому», так и «германо-арийскому миру», длительное время весьма успешно с ними конкурировала (особенно в сфере военно-промышленных технологий).

Для многих людей были привлекательны идеи коммунизма как всеобщего единения, преодоления сословно-классовых, религиозных, национальных, расовых и других различий, в условиях глобализации разобщающих человечество, порождающих неоколониализм, мировые войны, экологический кризис, разные формы социальной несправедливости.

Далеко не столь привлекателен был глобализированный объединительный проект в духе англо-саксонского империализма: если есть «империя», «золотой миллиард» народонаселения технологически развитых стран, то должны быть и «колонии», люди и страны «второго сорта», поставщики материальных ресурсов. Предположительно, это не вполне соответствует критериям справедливости; никто не хотел бы оказаться в числе последних, а именно их большинство в современном западном мире.

Подводя итоги, следует признать, что технический прогресс подчиняется объективным закономерностям. Поэтому объединительные тенденции государственности тоже носят объективный характер. Изучение истории белорусской государственности играет важную роль в становлении гуманистически ориентированной разносторонней личности специалиста, в том числе инженерно-технической квалификации. Выявление объективных закономерностей исторического процесса в общемировом измерении позволяет адекватно оценивать социальные процессы, происходящие в современных условиях в нашей стране.

Моральная устойчивость к вызовам и угрозам технократического развития, способность сохранить стремление к творческому созидательному труду, не смотря на политические потрясения, становится необходимым условием формирования взвешенной гражданской позиции каждого из выпускников БНТУ. Эффективным методологическим инструментарием является соотнесение общих закономерностей развития белорусского государства, как в исторической перспективе, так и в настоящее время, с этико-философскими критериями социальной справедливости.

Литература

1. Кларк Грэм. Доисторический мир / Пер. с англ. В.В. Левченко. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. – 319 с.
2. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. – Мн.: Беларусь, 2003. – 680 с.
3. Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. – Мн.: Наука и техника, 1988. – 134 с.
4. Станкевіч А. З Богам да Беларусі: Збор твораў. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1097 с.

Щавлинский Н.Б. К вопросу происхождения восточнославянских племен и пути их расселения на территории Беларуси

Славяне составляют крупнейшую в Европе группу народов, которая объединена общностью происхождения и близостью языков. В настоящее время она занимает огромную территорию восточной и юго-восточной Европы, а также значительную часть Азии. Вопрос о происхождении славян, т. е. их древнего единства, является очень сложной, практически не изученной проблемой: здесь много спорных вопросов, которые пытаются